

Троцкий-Скандыч

С М И Е Ш А

19-20

1944

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Октябрь ★ № 19—20 ★ 1944 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Мих. Матусовский

СЧАСТЬЕ

Что значит—счастье на войне?
Минута краткого покоя
И удивенье тишины,
Наставшей сразу после боя.

И так легко и хорошо,
Так пахнет вереском по склонам,
Как будто летний дождь прошёл
И лес проснулся обновлённым.

Что значит — счастье на войне?
Как памяты минуты эти.
Когда ты видишь, как во сне,
Свободный город на рассвете!

Ещё пожар в нём не погас
И каждый выступ под обстрелом,
Но он сверкает в ранний час
Листовой садов и камнем белым...

Что значит — счастье на войне?
Когда в столице, ряд за рядом,
Лицом к кремлёвской став стене,
Войска молчат перед парадом.

Они сражались под Москвой,
Бывали у Днепра и Дона.
И треплет ветер фронтовой
Их знамянные знамена...

Но есть ещё счастливый миг,
Когда звучит в мембранах фраза —
Звон колоколов познанных
Пред оглашением приказа.

Ракеты чертят синеву
И гаснут, не оставив следа.
Когда ты слушаешь Москву,—
С тобою говорит Победа.

★

*Отважная белорусская партизанка Герой
Советского Союза Аина Масловская.
Фото И. Шагина*

КОВГАК В КРЕМЛЕ

На следующий день после прилёта из Москвы в двадцать два врата и присутствия на совещании партизанских командиров. Оно происходило в комнате, где помещался командир соединения украинских партизан Ковчак. На совещание командир привёз в даром, в саниках, накрытых коврами, пришед на лыжах Альбо просто пешком. Деревянная уаидка была Альбо и оживался, словно в праздник. Не торжась, прогуливался по морозу автоматчиками. У многих из коротышек немецких мундиров были найдены белые воротнички, некоторые щеголяли в летних альпийских перчатках, и никто не носил валенки. Молодого блым в хромовых сапогах, нацвищенных сажей, лапжаме — в добротных яавах, которые всем своим видом говорили, что ноги в них просторно и тепло. Не верилось, что эта деревня находится в 800 километрах за линией фронта.

Я вошёл в хату в тот момент, когда Сидор Артемьевич Ковчак, развернув карту, вьлся в картинах, что-то отыскивал.

— Бес их возьми! — сказал он озабоченно.

Его заместителя по разведке Вершингера, уаьмьса, сказала:

— Так часто бывает в жизни. Например ишесть шапку, а она у тебя на голове...

Ковчак недоумованно посмотрел на него и быстро вьлся за дужку отков:

— Бес их возьми, а я ишецну, найти не могу!

Очки были найдены. Ковчак оглядел собравшихся и, как бы перебрив в уме одного за другим своих командиров, сказал:

— Дедь-мороза нет, по-дождём мыласть.

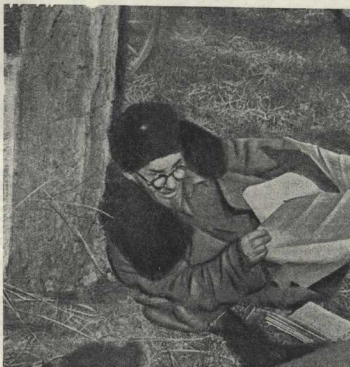
Комната была просторная. У окна стола, накрытый скетерью, красиво расшито красными потухим. Спичкой и околу сидел Ковчак, невысокого от него — комиссар Рулинов, а рядом на скамейке — бородач Вершингера. Его волосы были забьсыны назад, куртка распахнута, из-под пояса выглядывала большая кобура немецкого вьсакала. Поразил размеры галфея Вершингера.

— Ты ими, Петрович, место на двоих занимаешь, — сказал командир батальона Матюшенко.

Он сидел в зимнем пальто, но расставаясь с брезентовым пальто. Матюшенко с первых дней в соединении, командует батальоном, который составлен из жителей приустьевое Шаумгинского района, Сумской области. В штабе их называют «шаумгинцами», но не трети батальоном. Он больше прислушивался к разговорам и говорил только тогда, когда требовал от него ответа.

Молча куря, ожидая начала совещания, секретарь партийного бюро соединения жинили. Он стола у печи, прислушивался к говору и, смекнув табак «Иеда», как называли здесь Ковчак, не торжась, затлывалась дымом. Вид его говорил об удивительности. Для него все было решено. Он побывал в батальоне, беседовал с командирами и бойцами и сейчас ждал того момента, когда «Дед» начнёт говорить.

Рядом с Паниным стола Александр Леонид. Из-под правого рукава немецкого мундира у него выплывала змеоподобная нагьяга, чьявевская каракусовая шапка была Альбо замолана на затылок. Он держался сдержанно, но с достоинством, как и подобает молодому человеку, попавшему в среду старших. Леонид командовал взводом конной разведки. Здесь он был всех моложе, тогда как у себя во взводе, который равнялся доброй роте, был старше всех. Большею, хорошо расчёсанным, похуже на вьсакалы, ушм спускались на ушам его рта, прикрывая верхнюю губу. Леонид степенно принял предложенный Ма-

Дажьё Герой Советского Союза С. А. Ковчак. (Сидорко сидел в марте 1943 года в тылу врага на Правобережью Украины.)

— Зарастуйте, кого не видла. — А вот и он, — сказала «Дед-мороз», обрщались к Ковчаку.

С Анисимовым поговорившая, и он, уаьса Ковчак, вьсакалы, вьсакалы, сразу сел на свободное место на скамейке.

Ковчак сгладил собравшихся и, видимо, уболещивши, что все в сборе, сказал:

— Отстаньте, вьсакалы! Сидоратов с Большой землёй больше не будет. Начинаем рейд. Куря пойдем, это мы решим позднее. Приказ получите перед вьсаком. Загнра готовьте сани, уаьса ливачевы вьрычату, боеприпасы, — одним словом, готовьтесь. Лошди отахнуват!

— Да, — сказала не-сказало голосов.

Ну, а если просто засиделся, больше нельзя сидеть. Сегодня хоту вам рассказать, зачем я летел в Москву, и вьсакалы всё, о чём молчала столько сот километров.

Все вьсакалы ждали. Ковчак подошёл к двери. Анисимов поднялся, вышел во двор и снова вернулся.

Автоматчики по всем углам стола, — сказал он и сел на своё место.

Ковчак поправил очки и начал говорить:

Меня вызвали в Москву. Я был у самого Сталина. Сейчас вам ясно будет, почему мы приехали такую тактику и зачем идём на запад от Брянских лесов.

В комнате стало очень тихо. Никто не курил, не вьсакалы, только Панин пошевелил в поти на ногу.

— Так вот, — продолжала Ковчак, — как вам известно, из Брянских лесов я уаьса в Москву. Приехал. Поместился в гостинице «Москва» — такая большая гостиница в центре есть. Оказалось, что, кроме меня, там собрались и другие командиры партизанских соединений. Начала гадать на столину.

Однажды под вечер нам приехал вьсакалы и давал распространять, что кем командует, хьсакалы соединения, а потом говорил: «Пойдёмте». Пошли. Вьсаком из гостиницы, в один из вьсакалы, так вьсакалы, садиться, поедом. Сели. Машины хорошие, не такие, какие мы здесь любиваем. Поехали. Подъезжая к Кремлю и правдо в ворота вьсакалы, так вьсакалы, что и пропуск с нас не спросили, охрана только под козырек вьсакалы.

Поднялись во дворец. Прошли по коридору. Открыли нам дверь и говорят: «Пожалуйста, вьсакалы». Вьсаком. Справа окошко, и перед нами стола вьсакалы. Между окном и столом товарищ Сталин и товарищ Ворошилов стола. Тут даде растеряние какая-то свалевак вьсакалы.

Поднялись во дворец. Прошли по коридору. Открыли нам дверь и говорят: «Пожалуйста, вьсакалы». Вьсаком. Справа окошко, и перед нами стола вьсакалы. Между окном и столом товарищ Сталин и товарищ Ворошилов стола. Тут даде растеряние какая-то свалевак вьсакалы.

Поднялись во дворец. Прошли по коридору. Открыли нам дверь и говорят: «Пожалуйста, вьсакалы». Вьсаком. Справа окошко, и перед нами стола вьсакалы. Между окном и столом товарищ Сталин и товарищ Ворошилов стола. Тут даде растеряние какая-то свалевак вьсакалы.

Поднялись во дворец. Прошли по коридору. Открыли нам дверь и говорят: «Пожалуйста, вьсакалы». Вьсаком. Справа окошко, и перед нами стола вьсакалы. Между окном и столом товарищ Сталин и товарищ Ворошилов стола. Тут даде растеряние какая-то свалевак вьсакалы.

Поднялись во дворец. Прошли по коридору. Открыли нам дверь и говорят: «Пожалуйста, вьсакалы». Вьсаком. Справа окошко, и перед нами стола вьсакалы. Между окном и столом товарищ Сталин и товарищ Ворошилов стола. Тут даде растеряние какая-то свалевак вьсакалы.

Поднялись во дворец. Прошли по коридору. Открыли нам дверь и говорят: «Пожалуйста, вьсакалы». Вьсаком. Справа окошко, и перед нами стола вьсакалы. Между окном и столом товарищ Сталин и товарищ Ворошилов стола. Тут даде растеряние какая-то свалевак вьсакалы.

Поднялись во дворец. Прошли по коридору. Открыли нам дверь и говорят: «Пожалуйста, вьсакалы». Вьсаком. Справа окошко, и перед нами стола вьсакалы. Между окном и столом товарищ Сталин и товарищ Ворошилов стола. Тут даде растеряние какая-то свалевак вьсакалы.

Поднялись во дворец. Прошли по коридору. Открыли нам дверь и говорят: «Пожалуйста, вьсакалы». Вьсаком. Справа окошко, и перед нами стола вьсакалы. Между окном и столом товарищ Сталин и товарищ Ворошилов стола. Тут даде растеряние какая-то свалевак вьсакалы.

Поднялись во дворец. Прошли по коридору. Открыли нам дверь и говорят: «Пожалуйста, вьсакалы». Вьсаком. Справа окошко, и перед нами стола вьсакалы. Между окном и столом товарищ Сталин и товарищ Ворошилов стола. Тут даде растеряние какая-то свалевак вьсакалы.

Поднялись во дворец. Прошли по коридору. Открыли нам дверь и говорят: «Пожалуйста, вьсакалы». Вьсаком. Справа окошко, и перед нами стола вьсакалы. Между окном и столом товарищ Сталин и товарищ Ворошилов стола. Тут даде растеряние какая-то свалевак вьсакалы.

тешно табак и, молча скручивая шапку, вьсакалы посматривала на Ковчак.

И вот наконец в избу вошёл, изувстав клубы морозного воздуха, человек. Он по колотил влажком об валенок, снял шапку, поискал гвоздь на стене и, найдя его над аловской, приставленной к стене, повесил шапку и размотал шарф. Перед собравшимися предстал настоящий дед-мороз, образ которого каждый из нас хранит с детского возраста: низакого роста, с белой как снег головой, с бородой и усами, в облаке морозного воздуха...

— Зарастуйте, — сказал он. — Ал Дед-мороз, Алексей Иаич, наше почтение! — сказала кто-то.

Он поздоровался за руку с каждым, и по тому, как с ним здоровался, я поняла, что он важный человек.

— А где твой командир? — спросила его Ковчак.

Идёт за мной, — сказал Алексей Иаич Коробов и повернулся к соседу, предложившему кинет: — Я ведь не курю, как это ты не знаешь?

Скряпнула дверь, и на пороге появилась молодой высочай парень в чёрной барыньской шабе и огромных валенках — командир батареи Анисимов, у которого «Дед-мороз» был комиссаром, у которого успел закрыть дверь, а уже проиэиэ:

И подошла к стулу и вижу, рядом сидит кто-то из гражданских. Сажусь. Сосед порывается ко мне, и я обомлел: Молодой А товарищ Малодов говорит: «Присаживайтесь, присаживайтесь!»

И растерялся. Пожалуй, со мной никогда такого не приключалось, как в то минуту. И Сталин увидел это. Он начал расширять тему. Я же подошла к каждому, всматриваясь в лицо и задавая вопросы.

— Значит, зябота у него есть, — сказала кто-то из партизан.

— Значит, есть, — ответила Ковпак.

— Не велика ест, — оставилась. Он хотел было проломать, но сила очей и полет в кривизн за махоркой. Все сидела молча, поглядывая. Сидор Артемьевич оторвал от газеты добрую восьмизначку и, завернув в ней табак, начал склеивать.

— Значит, есть, косяк спрашиваю, — повторил он и раскуривал цыгарку.

— Но о партизанском деле не говорил ни слова, — продолжал Ковпак. — Всеобщая, распрощался и говорит:

«Сейчас побеседуем по существу».

Сталин взял трубку, вынул из коробки четыре папиросы, подорывал их и, оторвав концы с табачком, засунул их в трубку. — Не от трубки, — сказала Матюченко, — четыре вхолят!..

— Да, — сказала Ковпак, — четыре папиросы.

Помошав, он продолжал:

«Говорит: «Курите», Папирос много было. Перед каждым по пачке лежало. Мы, как у себя, и закурили».

«Слово имеет Ковпак», — сказала товарищ Сталин. Я поднялась, потому что с начальством стоял разговор всю жизнь. Встал, а товарищ Сталин говорит: «Сядьте». Я села и растерялась. Ну, думаю, сразу слова лишится. Сказу, краснею, аж жарко стало. Он, видимо, заметил это.

«Мы будем задавать вопросы, а вы будете отвечать», — сказала товарищ Сталин и спрашивает: — Нужны ли партизанских отрядов комсомольца?»

Комиссар Руднев, сидевший у стола, начал разглагольствовать чёрные усы.

«Как вы держите связь с населением?»

Отвечал.

«Как население относится к партизанам?»

Ответа.

Тогда товарищ Сталин начал расширять, как обстоит дело с оружием. Поговорили обо всём, вплоть до махорки. Я смотрел на него и по лицу его видел, что он недоволен. Так выглядит люди, которые не спят ночами. Думаю, всех там же сейчас ему. Вдруг он спрашивает: — А как думаете, Ковпак: если пойти там на правый берег Днепра и поднять там народ на вооружённую борьбу против немецких захватчиков?»

Я хотела было ответить. Как вы знаете, мы перед мной отломил уже думал о таком рейде. Но Сталин не дал мне сказать. «Подумайте, потом ответите», — сказала он и начал расширять комплименты соединения Сабурова.

И я прокумала ответ и посмотрела на товарища Сталина. Он увидел мой взгляд и, увидившему, понял, что я готов ответить.

— Мой соединенье, — сказала я, — прошёл по своим врата три тысячи километров. Можно выйти и на правый берег Днепра. Для этого, товарищ Сталин, надо оружие и боеприпасы.

«Составьте заявку», — сказала он.

Пока Сталин говорил с другими, я составляла заявку. Думаю, если самолёт поднимет тонну, то по моей заявке выйдут

его самолёты. И мелькнуло у меня в голове как же самолёт достигнут, когда их, наверное, и на фронте не хватает? Зачеркнул и написал наполовину меньше. Сталин взял мою заявку, прочёл её, подумал, а потом сказал:

«Не стесняйтесь в отношении самолётов».

Он, видимо, понял, что я испугалась ста самолётов. Товарищ Сталин отдал мне заявку, и я начала её переделывать. Гайку, там, где я написала «ботинки», он зачеркнул и написал «сапожки».

— Сапоги! — воскликнула Матюченко. — О не та!

— Да, он написал «сапожки». Мне тяжело было написать «сапожки». Сами знаете, немцы у Волги и страна в каком положении. Но он написал «сапожки».

Я переписала заявку, Сталин передал её Ворошилову и сказал: «Помоги обеспечить Ковпак, собрать их с Сабуровым в рейд».

Ворошилов взял заявку, и вы знаете, как к нам начинал приходить самолёт с Большой землей.

В Кремле много говорили о дальнейшей партизанской борьбе.

— Долго ли беседа продолжалась? — спросил один из командиров.

— Так что по самолёты пачки папирос выкуривали, вот сколько, — ответила Ковпак.

— Партизанское движение, говорит товарищ Сталин, есть дело народа. В него нельзя вмешиваться административным органам. Народ на борьбу с немцами поднимается хорошо. Партизаны должны это движение всецело развивать. Командир страны в талку у врага представляет партизан и советскую власть.

Ковпак остановился, посмотрел поверх очков на сидящих командиров и строго продолжал:

«Товарищ Сталин предупредила о связи с населением. Он особо сказал нам держать связь с народом. Вы у меня смотрите в рейде насчёт лошадей, того, чтобы крестьяне не жаловались. Насчёт коров тоже».

Он сделал паузу, а потом сказал:

«Изи Кремля все уехали взволнованными. Вскоре Ворошилов принял меня, сказал: «Зависела бумажка. Из сидящих подумались дымки. Каждый, видимо, чувствовал, что «Дед» не всё ещё сказал, и поэтому не задавал ему вопросов, ждали».

— Вот к чему это я рассказала, — закончил сказал он. — У нас тактика правления. Товарищ Сталин увидела в ней новое в партизанской борьбе и приказав её развивать. Значит, мы правление действуем. Если всё же приёма партизан в сентябре 1942 года, то от нас требуется действительно много. Значит, в нас нужна есть».

— Конечно, вы не можете уже где, под Сталинградом, — сказала «Дед-мороз».

«Мы отсюда пойдём на Правобережную Украину», — сказала Ковпак, — и должны выполнять то, что сказал Сталин. Умри, но сделай, иначе мы ни партизан не увидим, как место пустое. Готовьтесь к рейду. Вазима, Вершингора и Войцехович, оставьте у меня».

Все вышли. Командир батареи Анисимов встал под руку.

«Вот Дед! Ведь знает, что мы уже готовы к выходу, а всё скажет готовьтесь. Но это он для порядка...»

Через тридцать часов после соединения началось грандиозный рейд соединения в главкой тыла врага, на Правобережную Украину, время которого партизаны Ковпак прошил 6400 километров. Ковпак назвал этот рейд сталинским.

Павло Тычина

ГЕРМАНИИ ПРОКЛЯТОЙ

Надеялась: народ разавиньши танком.

Но будет на пути твоём препона...

Мы рубанём тебя со всех сторон...

ты скрутишься, как стружка пол

рубником.

Деньги твояги твоёй — уж близок он!

Ты думала: германцы нам приключом...

и всё! И в гроб стоклянуть нетрудно нас?

Мы живы: правды табак не погас!

Теперь-то уж тебе, нечестная ала,

возьмём живьём — настала желанный час!

Так будет, знаем: головы дракона

отрубим так, что увидишь, знои!

Придави нас, сожмём со всех сторон.

Мы зомея стались беззаконно, —

теперь вы наш узнаете закон.

Рабами всех нас сделать ты хотела:

Россию, Украину, Беларусь.

И помышляла: там я обжурюсь!

Теперь совсем иное дело:

— А как мой отсюда доберётся?..

А дома что нас ждёт?.. Домой, уроди!

О, зрюди, — в могилу вам пора!

А ты во имя счастья и добра,

Отныне наша — комальба свободны, —

ещё прекрасней будешь, чем вчера.

Перевод с украинского
Лев Озеров

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВИКТОРИНА

1. Под каким псевдонимом издал А. С. Пушкин свои повести?

2. Кто из героев известного произведения в решительную минуту выскочил в окно?

3. Какая строфа из стихотворения Лермонтова послужила заглавием новостного советского вестника?

4. Сколько богатырей упоминается в поэме Пушкина «Руслан и Людмила» и как их зовут?

5. Какие произведения Льва Толстого и Максима Горького имеют одно и то же название?

6. В каких двух стихотворных произведениях русских писателей встречается одна и та же фраза: «И вот общественное мнение?»

7. Как звали чеховских трёх сестёр?

(Ответы см. на 16-й стр.)

ПОДАРОК

савета не доварился, ладно, сойди! А сталь требует точности.

И всё-таки это «Побальше» не давало покоя Чакалову. Не в чему расквашивать, как додумался до рационализации технология ставлеварения. Александр Яковлевич Чаков, теперь его методом пользуются все передовые ставлевары страны. Но тогда он был первым. Он первым в СССР начал лить, скрепляя стальные пластины. И притом сталь была безукоризненной, наивысшего качества. Та самая сталь, которая одолевала наши танки, та самая сталь, из которой делались снаряды, автоматы, миномёты.

— В 1943 году замечательная работа сибирского ставлевар-новатора была высоко оценена авторитетнейшими людьми страны: Чакалову, за блестящее освоение метода скоростных лавок присудили Сталинскую премию. Он благоговейно принял диплом лауреата. Ему вручили и чек на сумму премии.

Вечером, после смены, Чакалов пошёл к директору комбината, Белану.

— Роман Васильевич, — неуверенно и смущённо сказал ставлевар директору, — почему вы продаете тонну той стали, которую я варю?

— Белану удивительно поднял брови, но цифру назвал.

— Ага, — задумчиво сказал Чаков и, вытаскив из кармана записную книжку, быстро начал что-то почитать.

— А что это за записка?

— Ага, — повторил он, — так вот, товарищ директор, продайте мне, пожалуйста, сталь.

— Чо? — поперхнулся Белан.

— Две-три тонны скоростных лавок, — торопливо, словно боясь, что ему не дадут донести, заговорил Чаков, — я сам сварю их сверх всяких планов и заплачу наличными.

И Чаков помахал преминальным чеком. Через два месяца в сибирскую гвардейскую часть, действовавшую на одном из ответственных участков фронта, прибыл из тыла ящик с автоматами ПШП. Командир части, полковник Гуза, недоумевал: этого оружия его части по плану не причиталось. Ящики вскрыли. На каждом из новобранских автоматов сверкала металлическая табличка:

«Сибирякам — от Чакова».

Это был подарок сибирякам-гвардейцам от сибирского ставлеара Александра Яковлевича Чакова. Оружие было сделано из стали, выплавленной скоростным методом сверх всех государственных планов самим Чакаловым, и сталь эту Чакалов приобрёл на собственные средства — на премию, полученную им в награду за освоённый им скоростной метод работы.

На том и можно бы кончить наш рассказ, если бы он был просто рассказом. Но жизнь обогатит литературный вымысел.

В ответ на подарок Чаков получил письмо от полковника Гузы. Командир прославленной гвардейской части писал:

«Дорогой Александр Яковлевич! Ваши земляки-гвардейцы

с горстью берут на вооружение прекрасные советские автоматы ПШП с надписью на прикладе: «Сибирякам — от Чакова». Эти автоматы мы вручаем лучшим из лучших, смелым и отважным гвардейцам, которые в бою с немскими захватчиками на иссяк покаялся свою любовь к родине и ненависть к врагу. Можете быть уверены, дорогой Александр Яковлевич, что ваше оружие пошло в надёжные руки и насладитесь заслуженному делу победы. А вы мы от всей души желаем новых успехов в вашей важной и самоотверженной работе. Крепко жимы вам умелые руки,

Полковник Гуза».

— Прошло около полугода.

Чаков варил сталь и непрерывно вихомяло грустил, что от землекоп-гвардейцев его отделило тысяч километров. Он не мог отделиться от горького чувства, что расквашивает ему всё настоящее бытие и войном.

— Но в части считали иначе.

Однажды Чакалов прямо от печи вызвали в кабинет Белана.

— Александр Яковлевич, — сказал ему директор, — к вам тут приехал гость.

— Гости? — Чакалов недоумевавше оглянулся.

— С крыла поднялся незнакомый военный с гвардейским значком и многими орденами на гимнастёрке.

— Ваш земляк, сержант Макушкин, — рекомендовал он, — прибыл из учреждения вам интродуционного значка нашей части: приказом командования вым присвоено звание «Почётный гвардеец».

Вечером в заводском клубе металлургов парадно горели лампы. Огромные белые буквы на камуфлёжных стягах, укрепивших над трибуной, возмещали:

«Слава лучшему ставлевару первого марта, почётному гвардейцу, лауреату Сталинской премии Александру Яковлевичу Чакалову!»

А сам Чакалов, сияющий так, словно он выдавал самую скоростную из всех своих скоростных лавок, сидел на трибуне под этим стягом и вместе с переполненным злом слушал нетерпеливый, обстоятельный рассказ сержанта Макушкина о боевых делах чести и о том, как на вечерней поверке в первую роту ежелевно выкапкали фамилия почётного гвардейца Александра Чакова, а правобангный неизменно отвечал:

— Стою на боевом посту у первого марта Кузнецкого ордена Ленина металлургического комбината!

Лауреат Сталинской премии мастер скоростных лавок ставлевар Александр Чаков. Фото А. Фатеева (Фотохроника ТАСС).

Человеку, хотя раз в видеваемому выдучу лавки маршево-поворот, рассказ о том, как варится сталь, покажется пресным. Что бы я ни говорила о лавине белого густого огня, об огнени жидкого металла, нивергающемся в строго определённый час из лётки печи в огромной, неуклажкий кош, сколько бы ни приводила сравнений, зрительное впечатление будет богаче. Этого нельзя забыть, и этим нельзя не восхищаться.

А ставлевар, наряженный в огнеупорный асбесто-брезентовый костюм, в широкополую шляпу, ступающий гомастными леренными подошвами по расквашенному металлическому полу цеха, этот человек с огромным лицом и уверенными, точными движениями, всё равно будет представляться вам жрецом, сверкающим на ваших глазах восьмью чётками, коты и я буду твердить, что он всего лишь обыкновенный квалифицированный рабочий.

Постому и не буду говорить о ставлеварном вообще, в рассказу только об одном ставлеваре—Александр Яковлевич Чакалове, Сибиряк, крепкий, мускулистый парень, он нездало до войны перешагнул тот заметный рубеж мастерства, после которого получивший становится ставлеваром. Это было в Сибири, в городе Сталинске, на Кузнецком металлургическом комбинате.

Как многие его ровесники, ставлевар Чаков в первый день войны, не дожидаясь призывной повестки, отправился в горюдой военной коммандир.

— Произошла какая-то ошибка, — слыгающимся голосом сказал он, — мне забыли послать повестку.

Военком, усмехнувшись, взглянула на Чакалова. С утра он только и занимается тем, что высунувшая, такие заявления очень нетерпеливых молодых людей.

— Фамилия? — спросил он.

— Чаков.

— Профессия?

— Ставевар.

Военком усталю прикрикнул газла:

— Идите на завод и ждите. Понадобится — вылезите.

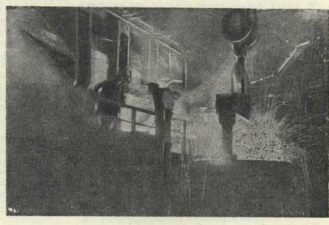
— Но я не хочу жалды! — зарывающимся Чакалов. — Я снайпер и автоматчик и могу...

— Идите на завод, — повторил коммиссар, чуть-чуть повысив голос.

Через неделю, через месяц, через полгода Чакалов упрямо повторял и повторял свои набегии на военкомат. Коммиссар с каждым разом выгладал всё более утомлённым. Но ответ его был неизменен. Только однажды к призывным словам:

«Идите на завод!» — он прибавил: «...и по старайтесь-ка варить сталь побольше!»

Синхронизальные нотки в голосе военком не поправлялись Чакалову. Побольше! Легко сказать побольше! Побольше он мог бы уложить брильян, если бы его лутали на фронте. Но побольше стала? Чакалов варил сталь безупречно Его печь давала наибольшее количество продукции. Сталь — не суп, чорт побери! Если ступ

В мартовском цехе. Фото Г. Чертова и С. Сучкова (Фотохроника ТАСС).

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. В. СТАЛИН.

Портрет работы художника А. ГЕРАСИМОВА

Кремль.

Фото В. Ковригина (Фотохроника ТАСС)

МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ

Марк Соболев

ВЕЧЕРОМ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

...А когда любимых скрыли
Тешила я зыбланный вечер,
Руки — белой чайки крылья,—
Трепеща, обняли плечи.

И твою тоску и горе
В счастье ямг переиначил,
Стали губы дальним морем,
И солёным и горячим.

И в твоём жилище тесном,
Где углы и стены были,—
Только волны, ветер, песня,
Только дали голубые.

Но за домом, за порогом,
За твоей чудесной сказкой,
Мерят версты по дорогам
Бесконечный шаг солдатский.

Гауко всхрапывают кони,
В темноте скрипят телеги...
Коротки и беспокройны
Придорожные ночлеги,

Где друзьям под плащ-палаткой,
В алой бессоннице разлуки,
По призывке мёртвой хаткой,
Как в атаке, сводят руки.

Нет, неправда! Это снится,
Это в прошлом дланном-дланном,
Это милые ресницы
Пахнут запахом полынным.

Синевой окрашен вечер,
Вролит месяц круторогий...
В море не было бы астречи,
Если б не было дороги.

Рис. Ю. Рейнера

Вера Киреева

СТРОИТЕЛЮ

Пускай мороза и жестка
Постель на груди кирпичей,—
Мой друг, не доедлай куска,
Не досылай, мой друг, ночей,
Чтоб вновь из брёвен и камней,
Воздвигся город не бедней
Того, что срыл, что выжег враг.
А в память сына и жены,
Во рву озонанных с трудом,
И тех напежд, что соожжены,—
Ты нам счастливый выстрой дом.
Чтоб виден был издали
Звенящий музыкой, сквозной,
Чтобы была в нём жизнь легка
В метель январскую и в зной,
Чтоб двери настельк были в зной,
Чтоб гостю вечно был он рад...
Вот так мы мёртвых помннём,
И сами живы будем, брат!

ОТНЫНЕ И

«Д уж говорил в одном из своих выступлений в начале войны, что война создала опасную угрозу для нашей страны, что над нашей страной нависла серьёзная опасность... Теперь в итоге 4-х месяцев войны я должен подчеркнуть, что эта опасность не только не ослабла, а наоборот ещё более усилилась. Враг захватил большую часть Украины, Белоруссию, Молдавию, Литву, Латвию, Эстонию, ряд других областей, забрался в Донбасс, навис чёрной тучей над Ленинградом, угрожает нашей славной столице — Москве...»

Отныне наша задача, задача народа СССР, задача бойцов, командиров и политработников нашей армии и нашего флота будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей родины в качестве её оккупантов.»

И. В. СТАЛИН

(На докладе на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 года)

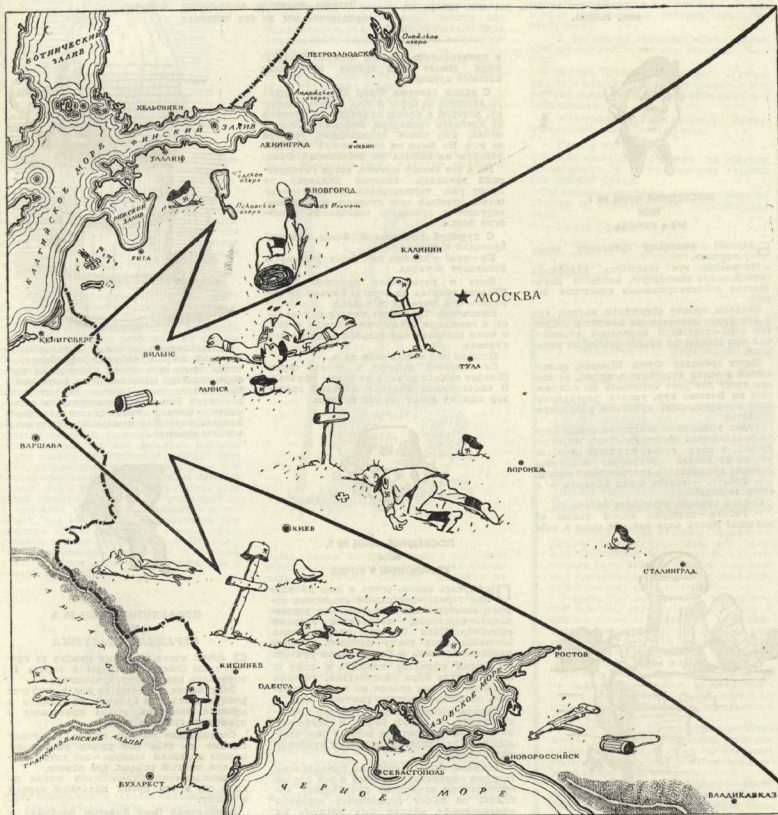

НАВСЕГДА!

«Красная Армия достойно выполнила свой патриотический долг и освободила нашу отчизну от врага. Отныне и навсегда наша земля свободна от гитлеровской нечисти. Теперь за Красной Армией остаётся её последняя заключительная миссия: довершить вместе с армиями наших союзников дело разгрома немецко-фашистской армии, добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя победы.»

И. В. СТАЛИН

(Из доклада на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с участием партийными и общественными организациями г. Москва 6 ноября 1944 года.)

Карта работы худ. З. Дейнека

ПОСЛЕДНИЙ ФРИЦ

Рисунки Д. Дубинского

Возможно, что проблема, которую мы хотим затронуть в настоящем произведении, с точки зрения историка, не стоит и выеденного яйца.

В конце концов действительно неважно, кем был и как выглядел конкретно последний Фриц на советской земле.

Важно, что он был, но, как говорится, весь вышел.

Тем не менее, если историк невооруженся на наше краткое исследование, — пусть не сердится, а терпеливо дочтает до конца, и тогда он поймет, что только горячая и бескорыстная любовь к исторической науке воодушевила наших пером.

Четыре варианта «последнего фрица» продадим мы на суд читателей.

ПОСЛЕДНИЙ ФРИЦ № 1,
ИЛИ
368-я КУРИЦА

Большой немецкий транспорт стоял у причала.

На шлюбе его толпились недобитые гитлеровские гранадеры, навеселю покидавшие негостеприимные советские берега.

Солдаты горячо обсуждали вопрос, где и как будет потоплен их корвет в открытом море — советской подводной лодкой или при выходе на поря — советской авиацией.

Вдруг гранадер Фриц Шмерке, знаменитый в войну истребитель куриц, на боевом счету которого числилось 367 «сезанных на Востоке кур, увидев разгуливающую по палубной пристани рысьскую хохлатку.

Чуждом уловленной домашней птице мирно поклевывала нехитрую пищу, не подозревая, а силу своей куриной слопоты, что на её глазах происходит последнее явление грандиозной исторической драмы.

— Ребята, — сказал Фриц Шмерке, — я вижу курицу!

Сердце куроода учащённо билось, — Ребята, — повторил он, — я успею её поймать! Пусть черт возьмёт меня к себе

в преисподнюю, но эта вострая бездальница станет мой триста шестьдесят восьмой курицей!

С этими словами Фриц Шмерке бежал по скользя на берег и стал ловить хохлатку, которая с диким кукавчанием удирала от хитрого гранадера. Бедняжка! Она не знала, кто, копя саложидами, гонится за ней. Не было на свете такой курицы, которую не поймал бы доблестный Фриц.

Но в тот самый момент, когда гитлеровский гранадер, схватив хохлатку за хвост, уже торжествовала победу, послышался грозный лаг гусениц, и на улице, ведущей к пристани, показались советские танки.

С курницей помышкой Фриц Шмерке бросился к причалу.

Но — увы! — скользя уже были ураны и транспорт отчалил.

Воля и размахивая курицей, Фриц Шмерке метнулся по берегу, умоляя не поклевать его, притаски и палка.

Напугано! Транспорт медленно удалялся, а советские танки уже откряли огонь, и лучи свистели над головой знаменитого куроода.

Одна из них выжала свою шею. Со сквозной дыркой в черепе Фриц Шмерке тяжело рухнул на камни причала. В окровавленной палачье израненный гранадер сжимал хвост дохлой курицы.

— Необходимо, — сказал в заключение пожелав жителям гвардии ефрейтору, — чтобы наши скальторы высекли из мрамора подобное изваяние. Этот памятник я бы поставил после войны на одной из площадей Берлина с надписью на постаменте: «Могилы неизвестного немецкого факеальщика». Для памяти будущим поколениям немцев!

ПОСЛЕДНИЙ ФРИЦ № 2,
ИЛИ
УТОПЛЕННИК В БОЧКЕ

Пробрившись сквозь огонь и дым по улицам города — последнего немецкого города, освобождённого от немцевых захватчиков, советский автоматчик гвардии ефрейтор Иван Соколов увидел возле большого дома толпу жителей, которые радостно кричали и размахивали руками.

Гвардии ефрейтор подошёл к дому и, когда утихла буря приветствий, спросил жителей, что они делают на улице в опасные, последние минуты уличного боя.

Жители растущиались, и гвардии ефрейтор увидел большую бочку с бензином, из которой торчала дыя нога в серо-белых штанах и сапогах, добитых чудовищными гранатами.

Пожилый житель сообщил удивлённому гвардии ефрейтору, что ноги и всё прочее принадлежит немецкому факеальщику, который, по плану германского военного командования, должен был ползёчек их дом и которого они, жители, коллективно утопили в бочке с бензином.

ПОСЛЕДНИЙ ФРИЦ № 3,
ИЛИ
СТРАННАЯ СТАРУШКА

Вскоре после изгнания немцев за пределы Советской страны в городе Н. появилась некая старуха-нищенка.

Закутанная с головы до ног в вляку-то рваную шаль, она бродила по улицам и просила подаяние, молча протягивая к прохожим грязную руку.

Сордобанные жители города Н. испуганно на себе все ужасы оккупации, охотно подавали старухе — кто кусок хлеба, кто смятый рубль, кто яблоко.

Однажды старуха-нищенка зашла во двор, где в это время мальчики играли в войну.

Семилетний Петя Дудиков побеждал к старухе и, направив на нищенку дробящий выстрел, крикнул:

— Славаясь, дивизия!

И вдруг, вс зарываю, старушка покороно подняла руки вверх. Шаль её упала, и Пета Дудиков увидел, что перед ним стоит не тётя, а скорее дядя, обросший неспяной шетиной, с завискивающей улыбкой на зверской физиономии.

Петя Дудиков от страха громко заплакал и вызвал на помощь резервы.

Положенные резервы — в лице двоюродного Прохора Петрова — задержали старушку старушку.

Доставленная в ближайшее отделение милиции, старушка заявила, что она не старушка, а оборотниственасмитиокобаничфюрер Фриц Динко, командир эсэсовской дивизии «Бервова кость».

На вопрос, зачем он надел на себя юбку и старушечью шаль, оборотниственасмитиокобаничфюрер ответил:
— Мои дивизия была окружена русскими и истреблена целиком. Мне случайно удалось спастись. Славаясь в плен я не хотела, потому что моя фамилия внесена в три списка преступников войны: русский, английский и югославский; — и я боялся ответственности. Раздобыл женское платье, и вёл жизнь индешки. Когда наш князь гвардии направил на меня оружие и крикнул: «Славаясь, дивизия!» — я подумал, что моё инкогнито раскрыто, ибо дивизия «Бервова кость» я ныне представляю в единственной числе. Подумал, что сопротивление бесполезно, я поднял руки. Прошу в дальнейшем учесть, что я славаясь добровольно...

ПОСЛЕДНИЙ ФРИЦ № 4,

ИЛИ
«ГИ-КА!»

Что произошло в глухой смоленской деревне Гиняле Дубки спустя пять лет после победного окончания войны с фашистской Германией.

Бабка Василиса, школьная сторожиха, пошла в лес за грибами и прибежала в

деревню, поалуёмывая от страха, крича, что она видела в лесу аешного, который дома заблудившуюся корову в шапку.

Председатель колхоза товарищ Ковров прикрикнул на бабу Василису, заявив, что за весь белый свет он не ругается, но на территории взятной ему колхоза никаких аешных, домашних и водяных никак не было, нет и не может быть.

Но бабу Василису твёрдо стоила на своём.

— Уж очень тяжёлый дух от него шёл! — говорила бабу. — Ежам б он человек был живой, человеческий. — Он см от своего запаха давно бы задохнуася!

Вызванный к вечеру на консультацию к председателю колхозных пастух дед Игнат подтвердил, что действительно она гинялоубская корова вернулась из леса поноенная.

Тогда председатель поручил деду Игнату поймать лесное чудовище и доставить его в правление колхоза.

Игнат выслушал исповедь, степенственно поручив, заявил, что будет действовать в одиночку, потому что главное в таких делах — смекалка, а его он, дед Игнат, не обижет.

На рассвете пастух загнал в лесную чащу несколько коров, поручив остальное

стало спому внуку Ваятке, а сам спрятавшись в густом кустарнике и стал наблюдать. Он решил поймать «аешного» на «жизню».

Утром на полянку, где паслись коровы, вышел из леса поалуый, звероподобного вида, волосатый, как обезьяна, лесной человек и, пристроившись у задних ног коровы, стал донь её в спину шапку. От него действительно исходило такое аешное, что даже крошка «Маалыня» недовольно мотала головой и в знак протеста громко мячала.

Подкравшись сзади к чудовищу, дед Игнат, створив на лесной скалке крестное знамение, слегка стукнул «аешного» парного молотка дубинкой по черепу. Затем он связал оглушённого «аешному» руки, вызвал его на спину «Маалыню» и погнал коровку с ношей в деревню, на двор правления колхоза.

Здесь он запер паличника в пугот шаре и вызвал товарища Коврова для учреждения «аешному» надлежащего допроса.

Вопросы, которые он предъявил в своём «аешном» в ответ на все вопросы председателя только рывчал, изредка повторяя: «Ги-ка!». Ги-ка!»

— Чорт его знает, что он за человек! — сказала обескураженный Ковров деду Игнату. — Надо будет передать его в Академию наук — пусть учёные разберутся в этом чуде природы.

Но тут в сарай, где шёл допрос, заглянула тракторист Миша Огурцов, бывший сорвант, участник Отечественной войны, дважды орденоносец.

Узнав, в чём дело, и пригладившись к «аешному», Миша Огурцов сказал:

— Никакое это — не чудо природы, а это протозояпросто одичавший фриц. Вон у него одна немецкая пуговица сохранилась на бывших штанах. Он, наверное, попал в окружение и все эти годы прогнил в лесу, окончательно потеряв человеческий облик.

— А что значат эти слова «Ги-ка», которые он аюпочет? — спросил товарищ Ковров.

— А это, наверное, значит «Гитлер капут!», — ответил Миша Огурцов, — пейком эти слова он ругачулся проиностранцев — инонимашь!».

И, обратившись к одичавшему фрицу, догалавший тракторист сказал:

— Гитлер капут!!

Некий проблеск сознания на секунду промелькнул в бессмысленных глазах одичавшего фрица.

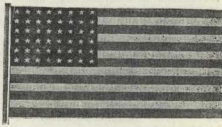
Он закивал головой и, с трудом вероячая языком, с удовольствием повторил два раза:

— Ги-ка! Ги-ка!

— Ясно! — сказала товарищ Ковров и пошла звонить по телефону в район, чтобы доложить начальнику о необычайном происшествии в деревне Гиняле Дубки.

ФЛАГИ МИРА

«ЗВЕЗДЫ И ПОЛОСЫ»

14 июня 1777 года Конгресс Соединённых Штатов Америки постановил: «Да будет флаг Соединённых Штатов состоять из тринадцати полос красных и белых попеременно и тринадцати звёзд, белых на синем поле, представленных в виде созвездия».

Впервые этот американский государственный флаг был поднят в июле 1777 года. С каждым годом осуществление идеи, положенной при создании флага, — каждый штат обозначается звездой и полосой, — чрезвычайно осложнилось, так как в США входили всё новые и новые штаты.

Наконец, в 1818 году было решено звёзды по числу штатов поместить на синем поле в верхнем углу полотнища, которое должно состоять из тринадцати продольных красных и белых полос.

В 1912 году в США присоединился новый штат — Аризона, — и число звёзд стало равняться сорова восьмью. С тех пор он располагается на синем поле флага шестью рядами по восьми звёзд в каждом.

Своему государственному флагу американцы дали популярное название — «Звёзды и полосы». Звёзды, как уже говорилось выше, соответствуют числу штатов, а тринадцать продольных полос обозначают штаты, принимавшие участие в провозглашении государства — Соединённых Штатов Америки.

Лав Никитич
Головин
Звезда
— повесть

Рис. Г. Вальки

(Продолжение*)

Краткое содержание предыдущих глав

Москва, лето 1942 года. Профессор А. Хлебников получает вести о гибели на фронте сына Евгения. В бумажке сына профессор находит письмо, адресованное С. Сосновой, и передает его по назначению. Письма погибшего Жени Хлебникова — Соны Сосновой — уходят из Москвы в Суздаль, где она работает в читальне Дома культуры. Ее обучение оказывается знаменитым профессором Хлебникова младшим инженером Головиным. Головин работает на важном оборонном заводе «Первое Мая». В доме «кв» этого завода проводятся все новые собрания отрядной коммунистической ячейки. При благоприятных обстоятельствах в доме возникает пожар.

Инспектор по кадрам завода и подполковник контрразведки Смирнов с помощником Соной Сосновой обнаруживают, что поджог совершил работник завода «Первое Мая» Томашевич. Углы — найденная у него шифрованная записка. Шифр составлен по таблице, зашифрованной на дальность второго тома вышедшего в свет романа Гюго.

Глава XXVIII.

ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
ПОЛКОВНИКА ШНАПЕКА

Два события вывели из себя командантов города Пяецка: катастрофа с деревней и исчезновение Инженера в лесу. Поводник Аукса, зная письмо, которое нашли у ворот коммандуры. Письмо было таково: «Спасибо командант! Вам пишет незнакомый командант. Вы знаете фамилию бывшего полковника Таса Нискаркина. Сообщите мне, что командир партизанского отряда «За советскую родину» Рагзовов жив и здоров, после ранения вернулся из отлучки и принял командование отрядом, о чем вы, наверное, уже догадаетесь. Человек, которого вы приняли за него, был не кто иной, как Баранов, который сам наказал себя такой смертью за измену нашему делу. Надеюсь скоро встретиться с вами при других обстоятельствах. Тас Я. Искра в рёв».

Шнапек держал в руках это письмо и думал только о том, что это обидно и страшно, если Рагзовов действительно жив, и как будет потешаться над ним, Шнапек, фон Мангейм. «Да, всё это похоже на правду, — думал он. — Вот оно — знаменитое письмо русского...»

Но запись события сложились неожиданным образом благоприятно для команданта. Арестованный на базаре партизанский разведчик рассказал на допросе, что Рагзовов действительно жив, что он недавно появился в зоофермах леса. Шнапек сам всё допрос этого партизана. О том, что происходило на допросе, знали только командант и близкие ему люди.

В заснувшую ночь из города Пяецка выступила многочисленная группа с двумя бронями. Отряд, продвигаясь по берегу реки, утонула в лес. Впереди шёл бронированный танк — колонна грузовиков и в хвосте — ещё одна бронемашина. В грузовике, следовавшем за головной бронемашинной, рядом с заросшим пофором сидел истощенный, замученный человек с забитыми руками. У этого человека было только одно глаз, другой был наклеен закрыт, бровь пересекла старый, глубокий шрам. По правую руку однополого пар-

туса, который Томашевич взял в captivity. Такая способ он получил инструкцию от швабна Краузе.

Следующие у Густаве Краузе, который немцы направляли на швабскую работу в советский тыл, ставший членом командования партизана Таса Пяецка, перепрыгнули через линию фронта. Вместе с молодым инженером Сергеем Инженером они обменялись польской работой в оккупированной вендике городе Пяецка. Густав Пяецка и жена с братом-инженером Инженером Шнапек новоявленным партизаном Инженером Краузе, которая вышла замком заместителем партизана Рагзовова.

Ночь исчезновения Нискаркина новоявленным Шнапек овладевает уверенно в том, что Инженер связан с партизанами. Инженер дотрону до дороги, но туши над его глазами гудит. За Инженером посылал дренду, он внят вид старухи. Но в пути дренда подвернулась на мши, и Инженер скрылся.

тизана слова сам полковник Шнапек. Он не мог не понимать, что записка связана с известным риском. Но надо было выйти из лучшего положения, в котором он очутился после неожиданного появления Инженера. Был бы только один: захватить Рагзовова и на это раз покончить с ним назавтра.

Племенной партизану обещал сохранить жизнь, если была сабосонный, истощенный человек, который вывел его из леса. Ставляк доложить руки на раскаленную ленту и тогда он сказал всё, что знала, и согласился на всё... Он сообщил, что вид Рагзовова вчера только на территории бывшего лесозавода, что с Рагзововым было примерно тридцать партизан. Эти сведения подтвердила и немецкая разведка.

Наступила смерть. Осенняя сырость, резкий ветер несколько охладил пыл команданта. Броневик шёл вперед, держа дистанцию в тридцать метров, поднимая фонтаны грязи. В лесу было темно, чем в открытых местах, Шнапек зареял закинуть фары, чтобы не спугнуть партизан. Глаза почти не различали дороги. Но однополого, вероятно, видел, как колки: он первый разглядел человека в лесу и двинулся — всё, что осталось от лесозавода.

Ощущение опасности внезапно охватило Шнапека, но самонадеянность швабска, пренебрежение к противнику переосмыслил в крошечку. За развалинами лесозавода возникла крутой спуск в глубокий овраг. Лесная речка шумела где-то близко, пахло ржавой, осенней листвой... Вдруг послышался салютный треск надломившихся деревьев, глухой удар, гудение чего-то тяжёлого, вспыхнула фары грузовика, и на одно мгновение в освещенном эсете мелькнула закривившаяся, падающая вместе с деревянным ящиком бронемашина. Затем прозвучал режущий, сухой выстрел — и шofer грузовика упал грузило на руль. Шнапек выкачнул фары и схватился за тормоз, но тут же почувствовал ступор. Броня была в руке. Падавший партизан влезал зубами в руку немца, и машина, вопреку управлению, поклатилась вниз. Земля оторвалась от ослепительных взрывов гранат. Эс навалился ровным нолмом, грохотом перестрелял, трескотней

автоматов, но всего этого уже не видел и не чувствовал Шнапек...

На рассвете среди обломков взорванных машин, среди трупов финских агентов ходил партизан. Они побиты, ранены, другие. Человек шесть старались приподнять рухнувший в реку, опрокинувшийся грузовик. Из-под разбитой кабины торчали ноги в жёлтых штатских сапогах, и по этим сапогам партизаны узнали команданта города Пяецка Шнапека.

Тело однополого партизана положили на плиту-платформу. Люди гадали с уважением на забитых немцами руки, на полуоткрытый единственный глаз, на опухшую маленькую фигуру человека, который нашла смерть в бою. Эта смерть дорого стоила немцам.

Глава XXIX

РАЗГОВОР ПРОЕМ

В кабинете Шорна, облокотившись на стол, сидел Георгий Иванович Головин. Он молча сидел за шатавшимися углями в жалюзи, пытаясь в состоянии взгляду чертёму глазу. Разговор шёл о работе Головина. Он жаловался на равнодушное отношение к нему главного инженера Штегеля. Короче его, чтобы поговорить, заменил заместитель претных металлов, в общем дела положительное заключение, ставля лабораторных работ была окончена. Незнакомый человек в пальто только один раз вмешался в разговор, но в просту, с которым он обратился к Головину, видно было, что он сведущий человек. Головин думал, что это консультант и Шорна Короче его, чтобы поговорить о странном отношении инженера завода к работе Головина. В зоне Шорна, когда он спрашивала о Штегеле, Головину похвально изложил: «Возможно, — получило он — этот человек — авторитетный эксперт... Странно только, что я его нигде раньше не видел».

Беспокойство, однако, не проходило; оно было по удерживать провозвещать, когда эта глупая девушка неожиданно появилась у Краузе. Странно, что Андрей Андреевич вдруг вспомнил эту фамилию через тридцать пять лет... — «Может быть?» — шевельнул спросил Головина Шорна.

— Я? Нет, никак. — Мне показавшись, что у вас было гол-дое.

Нет, у меня привычка массировать затылок. Сидерос, знаете ли... Вообще же я чувствую себя хорошо в этом каминате. Русского человека морю христит. А сегодня я чувствую себя хорошо в этом каминате.

— Двадцать восемь... Да, это очень интересно то, что вы рассказали, — сказала незнаестный, — жалко только, что испытательный период немного затянулся, Густав Максимович, вы все же не забудьте.

Головин вдруг повернулся так резко, что под ним затрещала ступа: — Простите... Я ослышался... Как вы сейчас себя чувствуете?

— Густав Максимовичевич, — Это... ошибка. Вы ошиблись! — Нет, я не ошибся, — помолчал, сказал незнаестный, — вы же мол ошиблись. Густав Максимовичевич, вы все же не забудьте с солданием инженером, даже когда служил у фирмы Эрлангер и носил фамилию Краузе.

Наступила длительная пауза. — Вам знакома фамилия Драут, военный аташе германского посольства в 1911—1914 годах в Петербурге? Полковник Эрнст Драут, известный в те времена специалист по артиллерии, был вооружен.

Тот, кто теперь назывался Густавом Максимовичевичем Краузе, сидел, опустив голову, с опосередком лицом и остерегающимся взглядом. — Ну, так, — почти шопотом прозвонил он. — Всё это догадки, но где факты, где факты?

Неизвестный растеряно пально, блеснул глазами военного кителя. Он выпу-

* См. №№ 7—18.

из нармана палато пожелавшему от времени газеты.

— Это — «Новое время», издававшееся Суворинами и закрытое после февральской революции. В декабре 1914 года в этой газете было напечатано нечто, касающееся вас, господин Краузе. Помните, Густав Максимович, вы тогда исполняли нынешнюю просьбу о перемене фамилии, было это с самым началом войны, в августе 1914 года?

— Ответа не последовало.

— В этом номере газеты напечатано: «Густаву Максимилиановичу Краузе высочайше разрешено впредь именовать себя Георгием Ивановичем Головиным, по фамилии его отца...» Впрочем, это — ваше личное дело, не правда ли?

— Краузе нигде в себе силки кивнуть Головиным.

— Но ваши данные отношения к военному аташе германского посольства полковником Дреут в Петербурге, между 1911—1914 годами, это — ваше дело, касающееся не только лично вас.

— Полковник Смирнов продолжал, не своя «глаз с Густава Краузе:

— Вы старый, матерый волк, Густав Максимович! Вы шпионили в пользу Германии в конце 1916 года, вы были арестованы по подозрению в шпионаже и высланы в Сибирь, не потому ли вы называете себя сибиряком?.. В конце 1918 года вы появились в Москве под фамилией Головин, а после 1921 года возобновили сношения с германским посольством, как старый и опытный шпион... Семья ваша находится в Риге, что вам отлично известно, истории с гибелью членов вашей семьи вы придумали, чтобы вызвать к себе сочувствие.

— Смирнов взял со стола лежавший в папке документ.

— Вот рекомендация — вернее, рекомендательное письмо профессора Хабеникова. Писать удалось с именем, который знает вас по работе, — солдатская рекомендация, не правда ли?

— Смирнов приблизил письмо Хабеникова к свету:

— Есть в этом документе одна деталь, история заставляет нас рассматривать этот документ, как нечто уступившееся претуплением. Характерная деталь. Профессор Хабеников, честнейший человек, испытанный в такого рода вопросах, пишет абсолютно точно: «Инженер Головин известен мне по работе в 1927 и 1929 годах на Новоспасском заводе и в Москве...»

— Я хорошо работаю... Никто не может сказать, что я плохо работал в те годы.

— Верно. Вышло бы глупо, если бы вы плохо работали. Вас бы уволили, и вы потеряли бы возможность верой и правдой служить вашим хозяевам в германском генеральном штабе. Итак, что вы делаете с рекомендательным письмом Хабеникова? Перед нами этот документ. К нашему изумлению, вы читаете: «Инженер Головин известен мне по работе в 1927—1929 годах на Новоспасском заводе и в Москве». Возьмите лупу или, лучше, увеличенный фотоснимок письма Хабеникова. На снимке ясно видно, что буква «и» между цифрами исчезла, вместо неё появился тире, а «1929» превратилось в «1939», т. е. двойку

вы прервали в тройку. Две довольно акуратно сделанные подделки, и получается так, что профессор Хабеников знает вас по работе но больше не меньше, как 12 лет. Пока всё, Густав Краузе, мы с вами ещё увидимся... Вспомните — сурово пригласил полковников и, толкнув рукой дверь, пропустил вперед Густава Максимилиановича Краузе, 29 лет носившего маску русского инженера Головина.

Глава XXX

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГУСТАВА КРАУЗЕ

В сентябре 1914 года я выехал из находившейся в дачной местности моей семьи. Приехал в Пасецк, и не имея ни малейшего желания возвратиться в Москву, где пришла почти безмятежно с 1918 года. Я полагаю, что мне придется эвакуироваться из Москвы на восток, это меня не устраивало, так как в этом случае я бы не имел возможности встретиться со своими соотечественниками — немцами. В Пасецке я дождался немцев, но получилось не то, что и ожидал, я очутился в лагере для военнопленных и гражданского населения, и мне несколько удалось добиться того, чтобы меня выслали из лагеря в состав офицеров германской армии. К тому же я увлекался живописью и находился в тяжелом состоянии. Мне удалось написать записку команданту Пасецка полковнику Шнавеку. Он понял, кто я, и пришла в лагерь. И тогда всё изменилось.

...Человек, с которым я имел свидание на вокзале, в Пасецке был в чине генерала.

— Всё это догадки, но где факты, где факты?..

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

«Ваша поэзия, — сказала нам однажды Мериме, известный французский писатель и поклонник Пушкина, — имеет прежде всего правду, а красота потом является сама собою».

Эти слова Проспера Мериме, приведенные Тургеневым, превосходно выражают благодарное изумление, которое европейский читатель испытывает при ближайшем знакомстве с русской литературой: с русскими писателями он вступает в высшую школу жизненной правды и благородного гуманизма.

Таков же чувство, какое вызвала поэзия Пушкина у Мериме, другие французские писатели — Флобер, Додэ, Гонкуры, Мопассан — испытывали от чтения тургеневских произведений. Тургенев открывал им новый мир: русскую природу, русского крестьянина, русскую женщину, русского революционера. Вводя чужеземца в чужую им страну, он сумел ввести их туда так, что им казалось, что они пришли из новой родины, что они впервые увидели человека, — особенно простого человека, связанного с землей и трудом, — во всей полноте его человеческих свойств, во всей простоте и правде его жизненного гетто. После смерти Тургенева английский журнал «The Athenaeum» писал: «Европа единогласно дала Тургеневу первое место в современной литературе».

Это признание означало не только лишний ушек Тургеневу. Оно означало, что уже давно, с появления Пушкина, Гоголя, Лермонтова, началось, а теперь признан Европой новый период в истории европейской литературы, когда ведущая роль порешала к великой русской литературе. Это стало ясно, когда за Тургеневым перед изумленным читателем Европы и Америки предстал Лев Толстой, за ним Достоевский, далее — Чехов, Горький.

Благодаря Тургеневу за то, что он дал ему прочесть «Войну и мир», Флобер писал о Толстом: «Как художник и какой психолог! Мне случилось вскрикнуть от восторга по ряду чтения его произведения. Да, это сильно! Очень сильно!».

В Толстом, в его безбрежной правде, в его «уровне суда над жизнью и в его требовательности к человеку, был открыт для всех новый, неиссякаемый источник искусства, народное по своему истоку и могуче жизненное по своему существу».

Если А. Толстой, по выражению А. М. Горького, мог научиться «описать жизнь и безобразно думать о всех вопросах, и Достоевский подвигал к ним друзей, к углубленному постижению человеческой личности. Огромность и смелость открытий, сделанных Достоевским в области познания человека и глубина его мысли были необычайны; они захватывали ученых — психологов, социологов, философов — так же, как и писателей Западной Европы».

То же можно сказать о Чехове и Горьком. Пьесы Чехова и рассказы Гурьяна успехом идут в дни войны в Нью-Йорке и

Долгие книги его усложно переводятся и читаются и рьяными читателями и писателями, которые узнали у Чехова мудрость простоте и знанию жизни.

Современному читателю необходимо знать огромные пределы завоевания русскими писателями читателями Западной Европы и Америки, чтобы понять всё величие родной литературы, чтобы верно представить себе всю огромность знания русской литературы.

Русский читатель должен глубже проникнуть в сокровищницу русской литературы. Он должен идти туда с пристальным вниманием, ища драгоценностей, оставленных в тени, а между тем в полном смысле слова — драгоценных.

Многие из читателей провалили как раздумья и лирического волнения над стихотворениями Е. А. Баратынского — поэта, с которым не расставался Пушкин! Пушкин писал о нём: «Баратынский принадлежит к яслам отличных наших поэтов. Он у нас оригинален — ию мыслят; «Пора Баратынскому занять на русском Парнасе место, давно ему принадлежавшее».

Знает ли по-настоящему и ценит ли нашего молодёжь великого Тютчева, одного из альбионов поэтов В. И. Ленина?

Александр Жаров

ДО СКОРОЙ
ВСТРЕЧИ!

В день, когда покой настает
И расцветает гора,
Нечаян сам с любовью взглянет
В расщелины глаза.

И в его глубоком зоре —
Заблещет, тронув жемчуж —
Заблещет, как прежде, море
Присмиривной синевой.

Мать прижмёт к глазам платочек,
Скропит голову слеза,
Скажет: «Внучу, мой сыночек —
Скоти сердце морзяка!»

Слоя у сына не найдётся,
Расклянёт в ответ Бушаин:
На груди у краснопотой
Знаки доблести горят.

Вдрогнут старческие плечи,
Разве радость сиречь лежок!..
До желанной этой встречи,
Может быть, недолго.

К ней морской водой и сущей
Наш побоянный путь нады,
Родный! Глади и слушаю,
Как воплот Красный Флот!

Со школьной скамьи мы хорошо знаем и любим Некрасова. Но школа не может ввести нас в круг чтения многих других замечательных поэтов. А с нами в горной сашком неуверенно входим в этот прекрасный круг.

Многие из молодых могут похвалиться вниманием к такому чудесному литературному миру, как И. П. Полонский, которого так высоко ставил Тургенев, в стихах которого любил писать музыку Чайковский? Знаком ли наша молодёжь с поэтом-ангелом русской баллады А. Н. Пастернаком? Самих ли она с глубокомысленно и смелом К. К. Случевском? С должным им сердечным вниманием относятся она к поэту А. А. Фету, которого так любил вообще суровый и поэта Лавра Толстой, что по поводу его стихотворения «Давний друг, покой мой рыдался» писал ему: «Этот шлохо прогрозно, Коан оно когда-нибудь разобьётся на выспы, развалинами и найдет только обломанный кусочек: «К нам сашком много слез, то и этот кусочек поставят в музей и по нему будут учиться».

Русские поэты должны занять видное место в кругу чтения нашей молодёжи: недаром Лев Толстой в свой круг чтения включил и Пушкина, и Баратынского, и Тютчева.

Круг чтения русской прозы ограничивается часто у нашего читателя чужими именами: Гоголя, Тургенева, Достоевского, А. Толстого, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Горького и немногих ещё из классиков.

Об этом всегда сетовал А. М. Горький и звал «расширить круг чтения и расширить круг чтения из русской прозы».

«Лазок несомненно важна на меня позитивным знанием и богатством языка. Это вообще отличные писатели и тонкий знаток русского быта, писатель, все ещё неиспользованный по заслугам перед нашей литературой». А. П. Чехов говорил, что очень многим обязан ему».

Это писла Горький в своей книжке «Раб-салькоры» и воскриком о том, как я учился писать» и неустанно звал повторить писателям и читателям обращаясь к нему: «Читайте Лескова».

Но очень ли многие могут сказать, что действительно последовали этому совету Горького — прочитали Лескова, усвоили его превосходный язык, постигли его основную творческую задачу — показать русского человека в его положительном образе строителя жизни, искателя правды?»

Много ли читатель у А. Ф. Писемского? А между тем повесть его о крестьянине Зарыньи, И. Г. Чернышевский писал о нём: «А какая правда в самом рассказе! Как соболин характер старика и в языке и в поведении, Д. Д. Писарев Писемского рядом с Тургеневым и Гончаровым. А П. Чехов, перечитывая собрание сочинения Писемского, писал: «Этот большой, большой талант, Азия у Писемского языка, темперамент славянский».

Хорошо ли знает современный читатель С. Т. Аксакова, его «Семейную хронику», его «Детские годы Багрова внука», его увлекательные книги об уденье рыбы и об охоте? Его сочинениям зачитывала Гоголь. А Тургенев писал о нём: «Эта настоящая русская речь, добродушная и приятная, гибкая и ловкая. Нет ничего вычурного и лишнего, ничего лишнего, ничего лишнего и ничего лишнего — свобода и точность выражения одинаково замечательны».

Кто не заглядывал в «Словарь» В. И. Давыда, кто не искал там выводов и самоотверженного слова? Но иногда ли из этих выводов раскрывали другие книги Давыда, например, его «Солдатские» и «Матросские досюги», в которых с замечательной простотой и яркостью переданы образы русских солдат и матросов?

* См. № 18.

Знала была не простой: найти радиосигнал, чей-то извозчик, запомнившийся на всю жизнь, как собственное имя, а настало лёгкий для передачи, а также руке, умникова могла успеть отстучать его телеграфным ключом... Комиссия, которой поручила это дело, помогала история морского сигнала «SOS» посылать гибнущим кораблям. Много сигналов было перебрано, прежде чем моряки всего мира остановили выбор на очень простой и не искажаемой в радиопередании комбинации знаков азбуки Морзе: — — — — — «SOS». Нужно воспользоваться знакомством моряков с «SOS», решить коммю, а только сигнала изменить его, поставив вместо «O» трезет «E». Деять точек — что может быть проще?

Так появилась радиосигнал «SSS» — замечена подводная лодка, стоявший жизни «человек немецких подводников и спасший нечисленное количество военных грузов», переваливаемых через океан на пароходах союзников.

До войны для привлечения во флот США молодых моряков плаката и статьи в газетах и журналы обещали им: «Вы увидите Филиппин — Рио-де-Жанейро, Зелёный мыс и Самоа... Вас мир пройдёт перед вами в корабельном иллюминаторе». А во время войны мир горит просто «Вы увидите смерть лицом к лицу, и не должны отступить перед тем во имя долга морского рацита. Если вышки торпедной батареи врага взлетят от аверенных нас сигналов — «SOS» и «SSS»...»

Когда в 1912 году на «Титаник» героически смертно погиб великий Филиппин Ангуса, его поставили памятник высоте высокой мраморной колонны. Имя Филиппин занело место в историю человечества. Филиппин других радиостанций, расположенных в южной части перед лицом небезопасной гибели, должны были следовать один за другим до вершины.

Великий радиорубе может оказаться люди другого сорта, и Адмиралтейство предприняло устройство «чёрной доски» для радиистов, не выполнявших своего долга на трусости. За протекание с тех пор годы давно заплыла- лась многочисленными именами

А. М. Горький писал одному молодому писателю:

«Отче! советую вам: займитесь собой серьёзно, упорно, обогащайте себя знанием русского языка, читайте больше, читайте тексты мастеров словесного искусства: Пушкин, Гоголь, А. Толстой, Лесков, Чехов, Бунина, Чингизайт, старайтесь уловить, чем отличается Лесков от Гоголя и Толстого, Чехов от Бунина. Кляните средствам достигают они того, что должно быть, но вы видите все, что они рассказывают вам, и как будто бы слышите речь их героев».

Произведения народной словесности и языка поэта и писателя, это великий и живёт круг русской речи, — того «могучего, правдивого и свободного русского языка», по который Тургенев назвал «благородным и великим».

Напа вина против родной речи велика. О ней много говорил Лев Толстой, о ней не раз писал В. И. Ленин. Повседневная наша речь без нужды затружена словами и оборотами, выхваченными из других языков, часто далеко утративших русский в словесном богатстве. Поражает инно-

Инж. А. Морозов

языка Филиппин, а в «чёрный язык» не внесли ни один радиостанция-морья. Может быть, это происходит потому, что, поступа на корабль, радиисты раз и навсегда приучают себя к мысли, что в любой час дня или ночи им, возможно, придётся послать после «SOS» стандартную фразу: «Вода на трюмке палубы» и сигнал «конец».

Незачем сейчас выбор у радииста судна торгово-го флота: он может начать передачу только с одного из двух сигналов — «SOS» и «SSS». Передачики «вспрыгивают» корабель должи молчать, чтобы не привлечь внимания врага, подслушывающего в эфире. Улова передатку, вражеские радиостанции быстро устанавливают, где находится передатчик, и направляют туда свои самолёты или подводные лодки. Поэтому даже радиорубеи коммерческих судов устраниваются так, чтобы их один сигнал не вырвался в эфир, как бы радиист ни вертел ручку настройки. Зато, если он посылает «SSS», все союзные корабли в районе слышимости сигнала немедленно прекращают передачу, а в месте, указанном радиистами, устраниваются минометы, истребители, морские охотники, самолёты.

Для радииста проучить сигнал «SSS» — предельная. Особенно важно, чтобы этот сигнал был как можно быстрее уловлен союзниками. Их роль в победе союзников в мировой войне исключительно велика. С определённой высоты лёгким мгновенно замечает подводную лодку, мель-

кающую под водой, как чёрный язык гигантской акулы. А уж если лодка уловлена в зоне шансов на спасение у неё возможности. Пилот советёт на помощь себя и другие самолёты и лёгкие быстродвижные корабли. Глубинные бомбы, шедло бросаемые во всех подозрительных местах, вспарывают подводную лодку своими страшными ударам, размазывая обшивку на части.

Все реже подводные лодки осмеливаются нападать на караванные суда. Гораздо охотнее они действуют против самолётов, а в этих случаях результат такой встречи во многом зависит от чувствительности радииста. Подводная лодка знает это и старается в первую очередь вывести из строя ту часть корабля, где находится радиорубе. Свои выстрелы, если лодка ведёт огонь на орудия, артиллеристы стальной акулы направляют в оторы антенн, чтобы таща гибели судна и место заселы лодки остались неразрушенными.

Радиист торговых кораблей обучаются множеству уловов, необходимых лодкам, до последней минуты остающимся на тонущем корабле. Они тонко знают, на какое расстояние, чтобы не быть затопленным водоотбором, надо успеть отплыть от корабля, подруге плавать в носом, выходящего на борт или плаваю опускающегося на дно в нормальном положении. Они знают, что, когда приближаются глубинные бомбы, нельзя плавать обычным способом. Шасси уцелеет даёт только адвиственное положение — на спине, чтобы

почти всё тело находилось на поверхности. В этом случае стрелы бомбы, вызываемые бомбами, причинят минимальный вред.

Радиисты танкеров проходили стойкий курс плавания в эфире и масле, плававшие в момент гибели этих судов. Дело заключается тем, что очень часто гибнущий танкер со всех сторон окружён горющими нефтяными слоем покрывшей море. Нелегко заставить себя прыгнуть в бурлящую пламя: человек не верит, что можно уцелеть, и иногда предпочитает оставаться в воде. Если же корабль и тонуть с ним. Люди, плавающие на танкерах, заранее приучают к прыжкам в нефть, горющую в воде: это делается в специальных бассейнах. Морьяк должен смело нырять головой вперед, быстро ухода под воду и появляться только там, где уже поверхность моря чиста. Нужно, если нефть разлилась так широко, что немасло проплыть всё это расстояние под водой. Иначе большое количество тропириков, чтобы на мгновение показаться над водой как нефтяной и, глотнуть воздуха; сейчас же вновь утонуть под воду.

Прежде чем послать специальный «SSS», надо заметить лодку. На военных кораблях для этого существует множество различных приборов — и звуковых и световых. Но и торговые суда теперь полагаются не только на глаза матросов, сидящих на мачтах. Они тоже имеют специальные приборы. Но и торговые суда теперь достигли огромного совершенства, а самое главное — люди, управляющие ими, приобрели опыт в работе с подводными хищниками. Матрос-спасатель привычки пользоваться своим слухом, как тончайшим прибором. Случаи отлично разбираться в тонких звуках шумов, которые создаёт их собственный корабль, во в момент опасности эти шумки по приказу командования резко уменьшаются.

Сигнал «SSS» и вызываемые им мероприятия делают море очень неуловимым для подводных разбойников. Часто им приходится бегать, даже на узел совершать нападения, а возможность уцелеть в таких условиях невелика.

Завсегды молодых писателей — за чтение Лескова, Горький как бы помещал их в одну из тех книг, которые издаются народному и подлинно живому русскому языку. Сам он знал по собственному опыту, что великие писатели — лучшие учителя чистоты и полноты речи, могучей правды, прелестной ясности и красоты русского языка.

Сам Горький ещё в молодых годах слышал призы Тургенева: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот язык, это достояние, переданное нам нашими предшественниками, в часах корячь бмаетесь опыты-так Пушкин. Обращайтесь почтительно с этим могущественным оружием; в руках умельных оно в состоянии совершать чудеса!»

Эти «чудеса» русский язык делал над людьми, а также Тургенев, Лесков, Чехов, Бунина, Пушкин, Горький. Чехов, эти же «чудеса» русский язык будто деалт в их руках» и в устах всех, кто воспринял завет Тургенева и в кругу чтения русских писателей обрели свой язык и выговор и произношение языка — действительно могучего и свободного.

раз бедность словаря, которым располагает молодёжь, в том числе и пишущая молодёжь. В поросль А. М. Горького с молодыми писателями, рабочими и сельскими корреспондентами постоянно встречались жабы писателя на то, как беден и бледен язык его корреспондентов, сссбеседник на молодёжь. Одному из них Горький писал в 1929 году:

«Вам следует заняться языком. Не хочу сказать, что он плох, но он ещё бледен. Требуется, чтобы вы обогатили его. Читайте Лескова, Чехова, Бунина, Пришвина — всё это язык очень богатого лексикона и превосходного знатоки русской речи».

Горький несларом указывает на Лескова как на лексикотворца русского языка. Про свой язык Лесков говорил: «Весь я собирала его много лет по словечкам, по пословицам, по старинным выражениям, по старинным налету, в толпе, на барках, в рекрутских присутствиях и в монастырях. Поработайте-ка над этим языком столько лет, как я». И внимательно и много лет прилежно слушал и в выговору и произношении русских людей на разных ступнях их социального положения».

Русские «открыватели» земель

ИГРА ЧИТАТЕЛЕЙ «СМЕНЫ»

Маршруты экспедиций русских исследователей и путешественников сушой сеткой покрывают карту мира. Хребты Памира, острова Огненной Земли, джунгли Африки, леса Канады, пустыни Монголии видны русским учёным.

С этого номера «Смена» начинает печатать серию рассказов-загадок, посвящённых русским «открывателям» земель.

Составляя интересные факты, географические названия и другие детали, читателю предлагается установить, кто был героем рассказа, где и когда происходило действие, и ответить на вопросы, помещённые в конце.

ПУТЕШЕСТВИЕ ДОКТОРА В СТРАНУ ЛЮДОЕДОВ

Первый рассказ-загадка

Караван русского доктора двигался по неизвестным местам, которым спустя много лет, а для нашей мирной войны, суждено было стать театром ожесточённых сражений.

Путешественников лёд мучила жара, чихало — холод. В ущельях гранитных гор за путниками зорко следяли павлины-бабуины. По утрам, едва толкя караван прогалин, обезьяны набрасывались на мустанг, оставленный асканами. Сурепье и опасное, они почти не боялись людей. Проводники легко звали обезьяны. Для этого ими сблизил столбик ставили сосуд с водой, которой павлины и обезьяны до беснушества, и тогда их брала голыми руками.

То и дело путь каравана перекладывали тропы, проложенные леопардами. А в одном из селений русский встретился глаз к глазу с этим хищником. Как-то утром доктор ещё лежал на койке, когда в приоткрытую дверь помещення проскользнула леопард. Тихой, кошачьей поступью он прошёл мимо человека и скрывается в соседней комнате. Доктор тут же вскочил, захлопнул дверь и запер её на засов. Окно комнаты, в которой находился зверь, имело толстую решётку. Леопард повая-

л животный мир, совершая длительные путешествия по рекам и озёрам, которых до него не видел на один европеец. В приближении зарылся громко брыкая гипнопотами. На высоких деревьях, свешивая свои ветви над водой, развешивал обезьяны, жасные в дружбе с бёртскими поугами.

Русский решил посетить страну людоедов. Кудан он объявлял о своём намерении, все старались его отговорить. Не было надежды, чтобы доктор остался живым, тем более что он хотел идти к людоедам без оружия и без вооружённой охраны.

После долгих странствований доктору удалось проникнуть в страну людоедов. Здесь он построил себе дом, над которым воздвиг русский флаг, воздвигла участок земли, развел огород. Он прожил среди людоедов несколько лет и убедился, что диавры почти не ели мяса, но слухи о людоедстве поддерживали всеми способами и тем создали себе славу страшного, кровожадного и непокояемого племена. Людоеды очень ненали дружеское отношение русского доктора и со своей стороны относились к нему с большой любовью и уважением. Наконец, доктор решил отправиться обратно домой в Россию. С огромными трудностями он вернулся на родину. В Российском географическом обществе он сделал интереснейший доклад о своих многолетних странствованиях, открытиях и проведённых исследованиях. Его избрали почетным членом Общества.

До самой смерти он проводил в порядке и обитывал свои дни в лесу и записки, издания которых на русском языке ему уже не пришлось увидеть.

Вопросы:

1. Как звали путешественника?
2. В какой части света он путешествовал?
3. Сколько путешествий он совершил?
4. Сколько лет пробыл он в общей сложности в этой стране?
5. Общай сложность в этой стране?
6. Где и где умер этот знаменитый русский доктор?

Вл. Явич

ся в западню... Напомнить об этой встрече русскому доктору досталась шкура хищника.

Немало времени пробыл доктор в этой стране, изучая её природу

РЕБУС Составил О. Золотухин

Расшифровав ребус, прочтите фразу из басни И. А. Крылова.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВИКТОРИНА

Ответы. Вопросы см. на стр. 5.

1. В 1831 году А. С. Пушкин выпустил свою первую прозаическую книгу под следующим заглавием: «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные И. П.».
2. Подкобсиен в «Женителъ» Н. В. Гоголя.
3. «Беллет парусе одинокого Валентина Катанна.
4. В поме «Услан и Людмила» четыре витязя — Услан, Рогдэй, Фарлаф и Ратмир.
5. «Детство».
6. Слова Чацкого из грибобдовского «Горя от ума»: «И вот общественное мнение» (действие IV, явление 10) процитированы Пушкиным в «Евгении Онегине» (глава VI, строфа XI).
7. Ольга, Маша и Ирина Прозоровы.

ОТВЕТЫ К РЕБУСУ-КРОССВОРДУ, напечатанному в № 18

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Часть паруса — топка. 4. Вид боя — атака. 7. Породы верблюдов — кар. 8. Шуророк. 9. Военное судно — катер. 10. Дерево — ива. 11. Трикопалый шиделе — носок. 14. Музыкальный термин — нокле. 17. Средство переправы — паром. 20. Хранилище для — плав. 23. Город в СССР — Уфа. 24. Один из основателей Рима — Ромул. 25. Породы — лабор. 26. Породы поутрава — ара. 27. Спортивный термин — старт. 28. Часть судна — корма.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Город в Италии — Турин. 2. Плавная работа — понос. 3. Памятник древности — аяне. 4. Верёвка для должи животных — яман. 5. Частво — астра. 6. Незаконный ревусок — абрис. 12. Политическое провозглашение — пла. 13. Орган зрения — око. 15. Игрушка — кула. 16. Часть лица — нос. 17. Коробочка сыра — парус. 18. Принадлежность слепцы — рампа. 19. Плавной работы — кушет. 20. Кошачья бода — калык. 21. Религиозное учение — обод. 22. Часть человеческого организма — аорта.

ОТВЕТЫ К 1-Й СЕРИИ ВОПРОСОВ «МЫ ВСЕ ЭТО ЗНАЕМ, ОДНАКО...»

1. Явор. 2. Итьг выала. 3. Карбонатор. 4. Аминтер. 5. Ковертор. 6. Турбина. 7. Катапульта.
8. Злиросок. 9. Радвостанность. 10. Пастеризация.

В НОМЕРЕ:

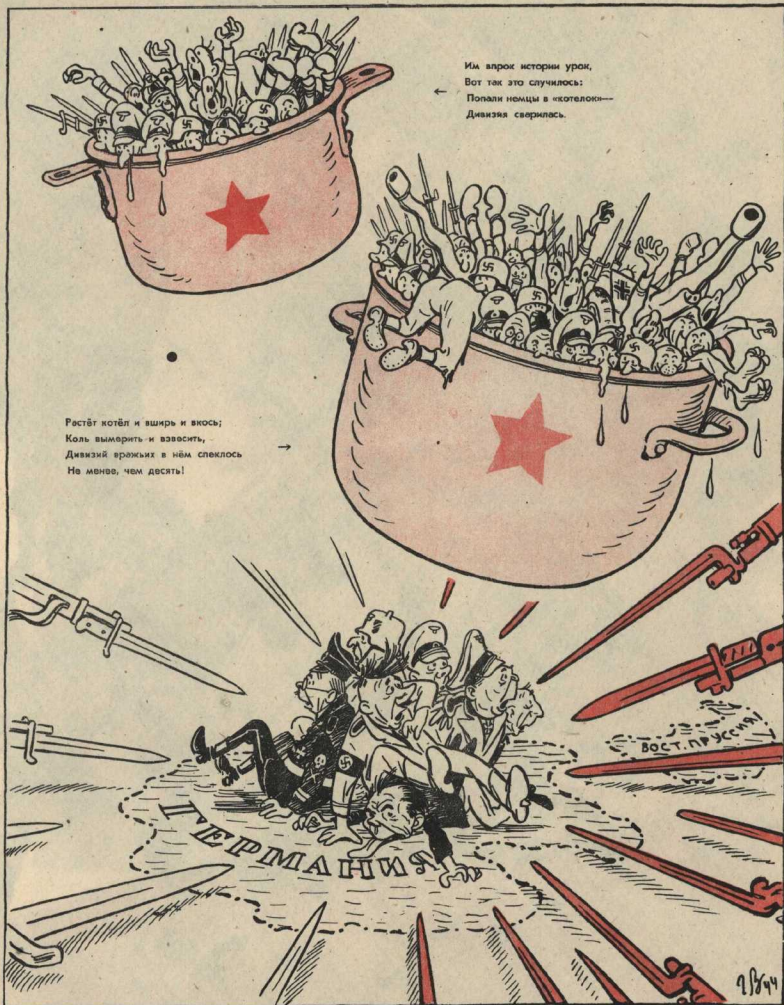
М. МАТУСОВСКИЙ — Счастье.
Е. КРИГЕР — У райских врат.
Л. КОРОВОВ — Ковка в Кремле.
П. ПЫЧИНА — Германия прокладой.
О. ЗИВ — Подарок.
Молодые поэты. М. СОБОЛЬ — Вечером после войны. В. КИРЕВА — Стригелю.
Л. ЛЕНЧ — Последний фронт.
Л. НИКУЛИН — Золотая звезда. (Продолжение.)
С. ДУРЯЛИН — Круг чтения.
А. ЖАРОВ — До скорой встречи!
Инж. А. МОРОЗОВ — SSS.
Календарь «Смены».
Литературная викторина. Флаги мира. Русские «открыватели» земель. Ребус.
Рисунки художников Г. ВАЛКА, Б. ДЕГТЯРЕВА, З. ДЕНПЕНКА, Д. ЛУВИНСКОГО, В. ЛАДЯГИНА, Ю. РЕЙНЕРА.
На вклейке: ВЕРХОВНИЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И В. СТАЛИН — портрет работы художника А. ГЕРАСИМОВА.
На первой странице обложки рисунок художника П. СОКОЛОВА-СКАЛЯ.

Ответственный редактор — Борис ВОТЕХОВ.

ИСТОРИЯ КОТЛА

Рис. Г. Ваалка

Текст В. Гранова.

Не выйти фрицам из котла,
Осталось ждать немного!

Сгорит в огне, сгорит дотла
Звериня берлоге!

58

Цена 2 руб.

АЛЛОХ БРОУТОН

ВЫШЕБЛИ

Рисунок художников Б. Деггерёва и В. Ладыгина.